

Матушка Добрынюшке говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:
«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!
Ты не ездитко на гору сорочинскую,
Не топчитко там ты малых змеенышев,
Не выручай же полону там русского,
Не куплись-ка ты во матушке Пучай-реки;
Тая река свирипая,
Свирипая река, сердитая:
Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за другой же струйки искра сыплется,
Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью».

Молодой Добрыня сын Никитинич
Он не слушал да родители тут матушки,
Честной вдовы Офимьи Александровной,
Ездил он на гору сорочинскую,
Топтал он тут малых змеенышков,
Выручал тут полону да русского.
Тут купался да Добрыня во Пучай-реки,
Сам же тут Добрыня испроговорил:
«Матушка Добрынюшке говаривала,
Родная Никитичу наказывала:
Ты не ездитко на гору сорочинскую,
Не топчитко там ты малых змеенышев,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реки;
Тая река свирипая,
Свирипая река да е сердитая:
Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за другой же струйки искра сыплется,
Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью.

Эта матушка Пучай-река
Как ложинушка дождёвая».

Не поспел тут же Добрыня словца молвити,
– Из-за первая же струйки как огонь сечет,
Из-за другою же струйки искра сыплется.
Из-за третьей же струйки дым столбом валит,
Дым столбом валит да сам со пламенью.

Выходит тут змея было проклятая,
О двенадцати змея было о хоботах:
«Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
Захочу я нынь – Добрынюшку цело сожру,
Захочу – Добрыню в хобота возьму,
Захочу – Добрынюшку в полон снесу».

Испроговорит Добрыня сын Никитинич:

«Ай же ты, змея было проклятая!

Ты поспела бы Добрынюшку да захватить,
В ты пору Добрынюшкой похвастати, -
А нунчу Добрыня не в твоих руках».
Нырнет тут Добрынюшка у бережка,
Вынырнул Добрынюшка на другом.

Нету у Добрыни коня доброго,
Нету у Добрыни копья вострого,
Нечем тут Добрынюшке поправиться.

Сам же тут Добрыня приужахнется,

Сам Добрыня испроговорит:

«Видно, нонечу Добрынюшке кончинушка!»

Лежит тут колпак да земли греческой,

А весу-то колпак буде трех пудов.

Ударил он змею было по хоботам,

Отшиб змеи двенадцать тых же хоботов,

Сбился на змею да он с коленками,

Выхватил ножище да кинжалище,

Хочет он змею было пороспластать.

Змея ему да тут смолилася:

«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!

Будь-ка ты, Добрынюшка, да больший брат,

Я тебе да сестра меньшая.

Сделаю мы же заповедь великую:

Тебе-ка-ва не ездить нынче на гору сорочинскую,

Не топтать же где-ка маленьких змеенышков,

Не выручать полону да русского;

А я тебе сестра да буду меньшая, -

Мне-ка не летать да на святую Русь,

А не брать же больше полону да русского,

Не носить же мне народу христианского».

Отслабил он колен да богатырских.

Змея была да тут лукавая, -

С-под колен да тут змея свернулася,

Улетела тут змея да во ковыль-траву.

И молодой Добрыня сын Никитинич

Пошел же он ко городу ко Киеву,

Ко ласковому князю ко Владимиру,

К своей тут к родители ко матушке,

К честной вдовы Офимье Александровной.

И сам Добрыня порасхвастался:

«Как нету у Добрыни коня доброго,

Как нету у Добрыни копья вострого,

Не на ком поехать нынче Добрыне во чисто поле».

Испроговорит Владимир стольнекиевский:

«Как солнышко у нас идет на вечере,

Почестный пир идет у нас навеселе,

А мне-ка-ва, Владимиру, не весело:

Одна у меня любимая племянничка

И молода Забава дочь Потятична;

Летела тут змея у нас проклятая,
Летела же змея да через Киев-град;
Ходила нунь Забава дочь Потятична
Она с мамками да с няньками
В зеленом саду гулятиться,
Подпадала тут змея было проклятая
Ко той матушке да ко сырой земли,
Ухватила тут Забаву дочь Потятичну,
В зеленом саду да ю гуляючи,
В свои было во хобота змеиные,
Унесла она в пещерушку змеиную».

Сидят же тут два русских могучих богатыря, -
Сидит же тут Алешенька Левонтьевич,
Во других Добрыня сын Никитинич.

Испроговорит Владимир стольнекиевский:

«Вы русские могучие богатыри,

Ай же ты, Алешенька Левонтьевич!

Мошь ли ты достать у нас Забаву дочь Потятичну

Из той было пещеры из змеиною?»

Испроговорит Алешенька Левонтьевич:

«Ах ты, солнышко Владимир стольнекиевский!

Я слышал было на сем свети,

Я слышал же от Добрынюшки Никитича:

Добрынюшка змеи было крестовый брат;

Отдаст же тут змея проклятая Молоду Добрынюшке

Никитичу

Без бою, без драки-кроволития

Тут же нунь Забаву дочь Потятичну».

Испроговорит Владимир стольнекиевский:

«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!

Ты достань-ка нунь Забаву дочь Потятичну

Да из той было пещерушки змеиною.

Не достанешь ты Забавы дочь Потятичной,
Прикажу тебе, Добрыня, голову рубить».

Повесил тут Добрыня буйну голову,
Утопил же очи ясные

А во тот ли во кирпичен мост,
Ничего ему Добрыня не ответствует.
Ставает тут Добрыня на резвы ноги,
Отдает ему великое почтение,
Ему нунь за весело пирование.

И пошел же ко родители, ко матушке
И к честной вдовы Офимьи Александровной.

Тут стретает его да родитель-матушка,
Сама же тут Добрыне испроговорит:

«Что же ты, рожоное, не весело,
Буйну голову, рожоное, повесило?

Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!

Али есты-ты были не по уму,

Али питыца-ты были не по разуму?

Аль дурак тот над тобою надсмеялся ли,

Али пьяница ли там тебя приобозвал, Али чарою тебя да там
приобнесли?»

Говорил же тут Добрыня сын Никитинич,

Говорил же он родители тут матушке,

А честной вдовы Офимьи Александровной:

«А й честна вдова Офимья Александровна!

Есты-ты же были мне-ка по уму,

А и питыца-ты были мне но разуму,

Чарою меня там не приобнесли,

А дурак тот надо мною не смеялся же,

А и пьяница меня да не приобозвал;

А накинул на нас службу да великую

Солнышко Владимир стольнекиевский, -

А достать было Забаву дочь Потятичну
А из той было пещеры из змеиною.
А нуль нету у Добрыни коня доброго,
А нуль нету у Добрыни копья вострого,
Не с чем мне поехать на гору сорочинскую,
К той было змеи нынь ко проклятою».
Говорила тут родитель ему матушка,
А честна вдова Офимья Александровна:
«А рожоное мое ты нынь же дитяtko,
Молодой Добрынюшка Никитинич!
Богу ты молись да спать ложись,
Буде утро мудро мудренее буде вечера –
День у нас же буде там прибыточен.
Ты поди-ка на конюшню на стоялюю,
Ты бери коня с конюшенки стоялыя, -
Батюшков же конь стоит да дедушков,
А стоит бурко пятнадцать лет,
По колен в назем же ноги призарощены,
Дверь по поясу в назем зарощена».
Приходит тут Добрыня сын Никитинич
А ко той ли ко конюшенке стоялыя,
Повыдернул же дверь он вон из назму,
Конь же ноги из назму да вон выдергиват.
А берет же тут Добрынюшка Никитинич,
Берет Добрынюшка добра коня
На ту же на узду да на тесмяную,
Выводит из конюшенки стоялыи,
Кормил коня пшеною белояровой,
Поил питьями медвяныма.
Ложился тут Добрыня на велик одёр.
Ставае он по утрушку ранехонько,
Умывается он да и белехонько,

Снаряжается да хорошохонько,
А седлае своего да он добра коня,
Кладывае он же потнички на потнички,
А на потнички он кладет войлочки,
А на войлочки черкальское седельшко,
И сядил тут Добрыня на добра коня.
Провожает тут родитель его матушка,
А честна вдова Офимья Александровна,
На поезде ему плеточку нонь подала,
Подала тут плетку шамахинскую,
А семи шелков да было разных,
А Добрынюшке она было наказыват:
«Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич!
Вот тебе да плетка шамахинская:
Съедешь ты на гору сорочинскую,
Станешь топтать маленьких змеенышев,
Выручат тут полону да русского,
Да не станет твой же бурушко поскакивать,
А змеенышев от ног да прочь отряхивать, -
Ты хлыщи бурка да нунь промеж уши,
Ты промеж уши хлыщи, да ты промеж ноги,
Ты промеж ноги да промеж заднии,
Сам бурку да приговаривай: «Бурушко ты, конь, поскакивай,
А змеенышев от ног да прочь отряхивай!»
Тут простилася да воротилася.
Видли тут Добрынюшку да сядучи,
А не видли тут удалого поедучи.
Не дорожками поехать, не воротами,
Через ту стену поехал городовую,
Через тую было башню наугольную,
Он на тую гору сорочинскую.
Стал топтать да маленьких змеенышев,

Выручать да полону нонь русского.
Подточили тут змееныши бурку да щеточки,
А не стал же его бурушко поскакивать,
На кони же тут Добрыня приужахнется, -
Нунечку Добрынюшке кончинушка!
Спомнил он наказ да было матушкин,
Сунул он же руку во глубок карман,
Выдернул же плетку шамахинскую,
А семи шелков да шамахинских,
Стал хлыстать бурка да он промеж уши,
Промеж уши, да он промеж ноги,
А промеж ноги да промеж заднии,
Сам бурку да приговариват:
«Ах ты, бурушко, да нунь поскакивай,
А змеенышев от ног да прочь отряхивай!»
Стал же его бурушко поскакивать,
А змеенышев от ног да прочь отряхивать.
Притоптал же всех он маленьких змеенышков,
Выручал он полону да русского.
И выходит тут змея было проклятое
Да из той было пещеры из змеиною,
И сама же тут Добрыне испроговорит:
«Ах ты, душенька Добрынюшка Никитинич!
Ты порушил свою заповедь великую,
Ты приехал нунь на гору сорочинскую
А топтать же моих маленьких змеенышев».
Говорит же тут Добрынюшка Никитинич:
«Ай же ты, змея проклятая!
Я ли нунь порушил свою заповедь,
Али ты, змея проклятая, порушила?
Ты зачем летела через Киев-град,
Унесла у нас Забаву дочь Потятичну?»

Ты отдай-ка мне Забаву дочь Потятичну
Без бою, без драки-кроволития».
Не отдавала она без бою, без драки-кроволития,
Заводила она бой-драку великую,
Да большое тут с Добрыней кроволитие.
Бился тут Добрыня со змеей трое сутки,
А не може он побить змею проклятую.
Наконец хотел Добрынюшка отъехать,
– Из небес же тут Добрынюшке да глас гласит:
«Ах ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
Бился со змеей ты да трое сутки,
А побейся-ка с змеей да еще три часу».
Тут побился он, Добрыня, еще три часу,
А побил змею да он проклятую,
Попустила кровь свою змеиную
От востока кровь она да вниз до запада,
А не прижре матушка да тут сыра земля
Этой крови да змеиною.
А стоит же тут Добрыня во крови трое сутки,
На кони сидит Добрыня – приужахнется,
Хочет тут Добрыня прочь отъехать.
С-за небесей Добрыне снова глас гласит:
«Ай ты, молодой Добрыня сын Никитинич!
Бей-ка ты копьём да бурзамецкиим
Да во ту же матушку сыру землю,
Сам к земли да приговаривай!»
Стал же бить да во сыру землю,
Сам к земли да приговаривать:
«Расступись-ка ты же, матушка сыра земля,
На четыре на все стороны,
Ты прижри-ка эту кровь да всю змеиную!»
Расступилась было матушка сыра земля

На всех на четыре да на стороны,
Прижрала да кровь в себя змеиную.
Опускается Добрынюшка с добра коня
И пошел же по пещерам по змеиным,
Из тыи же из пещеры из змеиною
Стал же выводить да полону он русского.
Много вывел он было князей, князевичев,
Много королей да королевичев,
Много он девиц да королевичных,
Много нунь девиц да и князевичных
А из той было пещеры из змеиною, -
А не може он найти Забавы дочь Потятичной.
Много он прошел пещер змеиных,
И заходит он в пещеру во последнюю,
Он нашел же там Забаву дочь Потятичну
В той последнею пещеры во змеиною,
А выводит он Забаву дочь Потятичну
А из той было пещерушки змеиною,
Да выводит он Забавушку на белый свет.
Говорит же королям да королевичам,
Говорит князям да он князевичам,
И девицам королевичным,
И девицам он да нунь князевичным:
«Кто откуль вы да унесены,
Всяк ступайте в свою сторону,
А собирайтесь вси да по своим местам,
И не троне вас змея боле проклятая.
А убита е змея да та проклятая,
А пропущена да кровь она змеиная,
От востока кровь да вниз до запада,
Не унесет нунь боле полону да русского
И народу христианского,

А убита е змея да у Добрынюшки,
И прикончена да жизнь нунчу змеиная».
А сядился тут Добрыня на добра коня,
Брал же он Забаву дочь Потятичну,
А сядил же он Забаву на право стегно,
А поехал тут Добрыня по чисту полю.
Испроговорит Забава дочь Потятична:
«За твою было великую за выслугу
Назвала тебя бы нунь батюшком, -
И назвать тебя, Добрыня, нунчу не можно!
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нунь братцем да родимым, -
А назвать тебя, Добрыня, нунчу не можно!
За твою великую за выслугу
Я бы назвала нынь другом да любимым, -
В нас же вы, Добрынюшка, не влюбитесь!»
Говорит же тут Добрыня сын Никитинич
Молодой Забавы дочь Потятичной:
«Ах ты, молода Забава дочь Потятична!
Вы есть нунчу роду княженецкого,
Я есть роду христианского:[1]
Нас нельзя назвать же другом да любимым».